

Маша Гаврилова

я обязательно уволюсь

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г12

Я ОБЯЗАТЕЛЬНО УВОЛЮСЬ

Маша Гаврилова

Издано с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Гаврилова, Маша.

Г12 Я обязательно уволюсь : [роман] / Маша Гаврилова. — Москва : Popcorn Books, Эксмо, 2024. — 176 с.

ISBN 978-5-907696-55-6

Вместо вечеринок молодая девушка, недавняя выпускница, ищет работу в сфере культуры. Ей не везет: подходящих вакансий немного, к тому же везде нужны опыт и хорошее резюме. Карьерные приключения приводят ее в самые неожиданные места: от салона красоты до собачьей площадки. Нестабильность, безденежье и отчаяние влияют не только на отношения с близкими, но и на ее здоровье.

В романе Маша Гаврилова рассказывает о проблемах, с которыми сталкиваются зумеры, о новых способах дружить и о поиске своего места в непрерывно меняющемся мире.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Маша Гаврилова, 2024
© Издание, оформление.
ООО «Издательство Эксмо», 2024
Popcorn Books®
© Sanho Kim, иллюстрация на обложке, 2024

ISBN 978-5-907696-55-6

глава 1

1

Я хотела бы стать туманом. Я хотела бы стать воздушным змеем. Я хотела бы стать дымом. Я повторяла это про себя, когда смотрела на монитор, на вздутый пожелтевший натяжной потолок, на рабочий стол цвета школьной парты. Я могла поднять голову и опустить, но поворачивать — нет.

По опенспейсу туда-сюда ходили люди, смотреть на них было запрещено. Только два раза в день я позволяла себе оглянуться — сзади за такой же партой сидела моя единственная заступница, Стася. Она приносила чай и бумажные платочки, когда я плакала. Иногда интересовалась моими делами и всегда улыбалась, как будто я её радость. На самом деле это она была моей радостью.

Справа было слепое пятно. Я никогда не поворачивала голову вправо добровольно. Справа, за одним столом со

мной, сидела моя смерть, моя петля, наказание за все грехи. Моя начальница Ангелина.

Один. На собеседовании Ангелина предупредила: «Я требовательна к себе и к другим». Я заужала её за это. Всё правильно: начальница должна относиться к работе ответственно. И слегка испугалась — вдруг не справлюсь с её требованиями.

Два. В первый рабочий день Ангелина сказала: «Я не люблю повторять дважды». Я старалась конспектировать каждую её фразу, каждое слово, а потом расшифровывала закорючки, написанные в спешке. И всё равно Ангелина была мной недовольна, называла бесполезной и повторяла: «Отойди, я сама». Начало карьеры было положено, работа — это прогулка по нервам Ангелины, танец с яйцами на голове.

Три. Во второй рабочий день Ангелина произнесла: «Ой, кажется, у меня сломался компьютер. Наверное, он не хочет, чтобы я работала». Её рассмешила эта шутка — она взвизгнула-хохотнула по-пороссячьи и ушла, спустя два часа написала мне, что сегодня работает удалённо. Я осуждающе подняла брови. Задач не было, и я посидела в телефоне и пошла домой.

На следующий день Ангелина пришла взъерошенная и взбудораженная. Она не села за рабочий стол, а пошла к коллеге Ане и села ей на уши. Час рассказывала о том, как съездила в парк развлечений «Остров Мечты». Моей меч-

той было поскорее стать стеной, столом, креслом, лишь бы не слушать этот поток слов. Ангелина была на острове мечты не одна. Я узнала, что детей Ангелины зовут Анфиса и Аллуша, муж у неё деловой бизнесмен, они платят ипотеку, скоро Ангелина снова собирается в декрет. Я сидела со скучающим лицом и смотрела в чёрный монитор. Ангелина заметила меня, закончила с Аней и спросила, явно зная ответ:

— Ты сделала вчерашние задачи?

Задач у меня не было, я прошептала:

— Какие задачи?

— Я не слышу, говори громче! Задачи, которые я тебе вчера отправила в телеграме.

Мы с Ангелиной в телеграме не переписывались. Она пару раз писала мне в вотсапе, другие коллеги тоже, так что вотсап был для работы, телеграм — для друзей и новостей в режиме не беспокоить. Сообщение от Ангелины я, конечно, пропустила. Ангелина победоносно улыбнулась:

— Тебе стоит внимательнее относиться к своей работе. Смотри, получается, вчера ты ничего не делала весь день...

Дальше я не слушала — замерла и пережидала бурю-Ангелину. Замирание стало главной стратегией выживания в офисе.

Моя работа напоминала школу: никто не радовался по утрам, старшие обижали младших, отличницы-трудоголики вкалывали с раннего утра до позднего вечера. У нас даже отмечали посещаемость, и за опоздания полагалось

наказание. Правда, это правило действовало только для коллег на стартовых должностях. А ещё нужно было ходить в сменке. Я поняла это, когда увидела, что Ангелина сидит босая, а рядом с ней валяются сапоги. Вместо них Ангелина натягивала другие сапоги — с каблуком повыше и кожей помягче. Так стало понятно, что Ангелина — женщина-загадка. Загадка, которую не хочется разгадать.

Ангелина всегда приходила позже, чем было нужно. Но ей это, как и многое другое, прощали. Может быть, потому что при любой неприятности Ангелина начинала визжать и оскорблять всех, кто оказался поблизости. В такие моменты я переставала дышать, чтобы не привлечь лишнего внимания. Но конечно, всегда доставалось мне. Ангелина требовала понимания без слов. А я плохо угадывала её желания, даже облечённые в слова.

Ангелина не заботилась обо мне и других сотрудниках: она отказывалась повышать зарплаты, не стремилась выстраивать отношения, давала невыполнимые задачи. Как будто мечтала выгнать всех. В таком месте не стоило начинать карьеру. Но эта работа была моей первой официальной, и платили тут чуть больше, чем на стартовой позиции. Я не могла позволить себе её потерять.

Не потерять эту работу было непросто. Ангелина всё переделывала за мной, крича на весь опенспейс унижительные гадости. Другие сотрудники уже привыкли и ничего другого не ждали. Мне говорили, что наш коллектив —

большая семья. В большой семье всегда найдётся нелюбимый ребёнок или даже двое. Ангелина не любила нас обеих: меня и работу.

2

Если первая рабочая неделя оказалась насыщенной на открытия, то вторая — на события. У меня украли розовую кружку из «Икеи». Я оставила её на столе, отошла на пару минут, и больше кружки не было. Про себя я шутила, что принесла жертву богу работы и теперь всё станет неплохо. Я ошиблась.

Наш отдел занимался маркетингом, мы с Ангелиной и Аней — пиаром. Формально Аня и Ангелина занимали одинаковые позиции, на деле Ангелина руководила всеми нами и была, получается, директором по маркетингу. Я была уверена, что платят Ангелине гораздо больше, чем Ане. Ангелина выглядела очень зажавшейся.

К СММ-отделу у Ангелины всегда было меньше претензий и вопросов, даже если они запаздывали с постами или не отвечали на вопросы в комментариях. Всегда страдала пиар-часть отдела, а точнее — я, Ане прилетало меньше.

Любая коммуникация — это бой. Ангелина любила это повторять, когда у меня не получалось дозвониться до журналистов или найти «тёплые» контакты. К нам приходили с совершенно разными запросами: от кампании краудфандинга для небольшого приюта с пожилыми брошенными

животными до продвижения личного бренда девочки-пятиклассницы, дочери человека-с-деньгами. Чтобы предложить сотрудничество, нужно было писать самым разным людям. Благодаря этому я узнала, что у многих богачей-бизнесменов нет социальных сетей и связаться с ними можно только через знакомых. Ангелина меня ни с кем не знакомила, так что приходилось довольствоваться работой с душными блогерами. Я ненавидела пиар всей душой. Ангелина ненавидела меня.

Я знала, что не должна работать здесь. Это было ясно любому с первого взгляда. Я выглядела иначе, двигалась иначе и совсем не попадала в коллективный ритм. Бывали дни, когда рабочие дела занимали около часа, а остальные восемь я смотрела в монитор. Другие коллеги умели растягивать этот час на весь день: периодически заглядывали в телефон, ходили в туалет, на перекуры, на обед. Мне было слишком страшно делать лишние движения — Ангелина могла заметить их и вспомнить, что я существую. Поэтому я ждала, когда она отвлечётся, и только тогда бежала в туалет и надолго там заперлась.

Бывали дни, когда я, напротив, оставалась в офисе допоздна и пыталась всё успеть. Ангелина меня удивляла: она никогда не задерживалась, более того, она никогда не уходила позже меня. Возникал вопрос: как она работает? Почему у меня не получается распланировать каждый свой день так же? И я знала ответ: потому что количество моих задач зависело от настроения Ангелины, а настроение её

менялось после звонка мужу, после посещения врача, после отказов сотрудничать. Муж ей звонил каждый день, жаловался на детей. Ко врачу она регулярно ходила раз в неделю. Сотрудничать с нами отказывались многие: наш сайт выглядел замшелым и бюджеты всегда были крохотные. Я мечтала стать человеком, который отказывает Ангелине.

В семь вечера заканчивался рабочий день. Раньше уходить совсем нельзя — коллеги могли написать донос директору. Директор был строг или глуп и действительно пару раз уволил тех, кто не хотел торчать в офисе весь день. Об этом мне рассказала Стася, моя доброжелательница. О Стасе я знала совсем мало информации: мы с ней родились в один день, она давно работала в этой компании дизайнеркой. Мы познакомились, когда я потеряла кружку. Она перерыла все шкафы с посудой, потратила на меня рабочее время. Так что я очень сильно уважала её.

Без её помощи я не продержалась бы и дня. Она мне улыбалась, здоровалась, смотрела с добротой. Пару раз даже приносила воду и платочки, чтобы я не сморкалась в рукав, когда плачу. Она тоже иногда ходила заплаканной. Но я ясно понимала: помощь ей не нужна, она была сама по себе.

У Стаси тоже был ужас-начальник. Он орал на неё, когда она опаздывала, или когда не успевала быстро сверстать сайт, или когда ему не нравился финал. Стася никогда мне об этом не рассказывала, но в опенспейсе сложно

не услышать крики прямо за спиной. Вот и я слушала, особенно когда Ангелина забывала про меня. Вскоре Стася уволилась, сказала, что хочет попробовать себя в смежной области. Так я потеряла всю броню.

Напоследок я написала Стасе трогательное сообщение: «буду скучать; спасибо, что делала невыносимое выносимым; пусть у тебя всё будет хорошо». Она ответила по-доброму, и больше мы не общались никогда. Я быстро забыла о ней и ни к кому больше в агентстве так и не смогла привязаться.

Коллега Аня была неплохим человеком. Она аккуратно давала обратную связь, всегда была на работе вовремя и не повышала голос. В первый рабочий день она подарила мне красивую тетрадь с птицами, чтобы я могла записывать все мысли и приказы Ангелины. И в то же время Аня, хоть и была совсем немного старше меня, дружила с Ангелиной и ужасно старалась понравиться ей. Вся её социальная энергия была направлена на доказательство — они с Ангелиной уже ровня. Я же видела, что это всё неправда, никакая они не ровня. Аня была лучше, этичнее и работоспособнее Ангелины. У Ани имелся потенциал хорошей начальницы.

Существовала ещё эйчарка. Она меня наняла. У неё было очень вытянутое лицо, напоминающее по форме калошу. Сначала казалось, что это теперь мой самый близкий человек, такой дружелюбной и очаровательной она выглядела на собеседовании. Я задавала ей разные дурац-

кие вопросы, а она отвечала с удовольствием. В офисе она показала мне все важные локации, такие как туалет и кухня. Первые дни спрашивала, как я себя чувствую, всё ли хорошо. А потом улыбки закончились. Мы никак не могли подписать договор, хотя я уже работала в агентстве и работала. Она каждый день обещала, что надо подождать ещё недельку. Такие обещания раздражали, и я сказала, что начинаю сомневаться в надёжности агентства. Видимо, это задело эйчарку, и какая-то девушка тут же принесла мне договор, агрессивно швырнув на рабочий стол. В тот же день я встретила эйчарку на кухне. Она увидела меня и улыбнулась:

— Ну что, получила договор?

Я кивнула. Она улыбнулась шире:

— Поняла в нём что-нибудь?

Теперь улыбнулась я — растерянно. Мы разошлись и больше не общались.

3

Работа занимала всё время: дома я успевала поесть, привести вещи в порядок и посмотреть две серии какого-нибудь сериала. И моя кошка Окрошка тосковала по мне, выла у двери. Соседка, с которой мы арендовали квартиру, осуждала меня за кошачьи истерики и очень жалела Окрошку. А мне было больно от этого воя, от ежедневного несчастья Окрошки. Я объясняла ей: «Это чтобы купить тебе корм». Но она всё равно страдала.

С дружбой всё тоже складывалось драматично — она была возможна только в интернете и по выходным. Сначала я плакала от одиночества и тоски, а потом привыкла.

Моя вынужденная недоступность не касалась друга-которому-нельзя-выходить-из-дома. Я старалась приезжать к нему на поздний ужин и почти сразу уезжала, чтобы успеть поспать хоть немного. От работы до него ехать полтора часа и столько же — на обратную дорогу. И я ездила, а кто бы не стал?

Люберцы — чудное место. Каждый раз, когда я там оказывалась, со мной происходило что-то инопланетное. В первый раз я была там летним днём. Светило солнце, во дворе орали дети, женщины развешивали бельё на верёвку во дворе. В кустах сидели пьяные безобидные мужчины с бальзамом «Бугульма». В следующем дворе в кустах сидели другие мужчины, у них была водка, они тоже никому не желали зла. Наверняка такие мужчины сидели под всеми кустами Люберец.

В другой раз был ураган, он снёс большое дерево, оно упало на проезжую часть. Со всех сторон дерево окружили люберчане. Падение дерева стало событием, сенсацией, зрелищем. Люберчане фотографировали дерево, обсуждали его, мужчина утешающе гладил девушку по голове. Дерево и вправду было жаль.

Однажды я шла по Люберцам и горько плакала. Ангелина опять отругала меня без повода, просто потому что поссорилась с мужем. Я слышала весь их звонок целиком, потому что а как не услышать, если она сидела в метре

от меня. Отруганная, я летела на ужин к другу. Ко мне подошёл мужчина с ретривером и сказал: «Не плачьте, лучше погладьте собаку». Я погладила, ретривер облизал меня, и все рабочие горести забылись. Таковы были Люберцы.

Друг-которому-нельзя-выходить-из-дома Люберцы не любил. Его злила удалённость от центра и других частей Москвы, бесили тоскливые многоэтажки и что не все доставки еды ему доступны. До него было трудно добраться и трудно уехать обратно. Вокруг не было кофеен третьей волны, к которым привыкли его друзья, только места, куда все боялись заходить. Я не боялась и изредка покупала ему шаурму, куриные крылышки или шашлык. Еду из любимых кафе и ресторанов он получал редко, только если кто-то заботился о нём и привозил что-то с собой из центра. Привычная еда и большой круг общения свелись к минимуму. Не к такой жизни он привык.

Мы виделись только на ужинах, хотя раньше я могла проводить у него дома целый радостный день. Ужины были почти ежедневным ритуалом, на который старались приезжать и разные другие наши друзья. Так что мы с другом-которому-нельзя успевали обменяться парой общих фраз, а потом болтали уже в компании. Из-за работы я знала меньше новостей из его жизни, а он мало что понимал в моей. Работа украла целостность этой дружбы.

Как-то раз я приехала с большим опозданием. Все уже радостно жевали арабьяту и галдели. Возникло знакомое

чувство, что я — часть огромной семьи. Наверное, ещё и поэтому я так стремилась попасть на ужины. За столом были два незнакомых мне человека: остросулая женщина и девушка. Женщина сидела с краю, молчала, ей было неловко, и я решительно направилась развлекать её. Мы пили вино, шутили что-то про вино и игнорировали остальную часть стола. Она рассказывала про себя: что уже около пяти лет нигде не живёт и всё время перемещается, потому что жизнь — одно большое путешествие. Это восхищало и одновременно не было мне близко — я чувствовала себя самой оседлой птицей на свете и не думала, что когда-нибудь смогу покинуть Москву.

Мы напились, нас слегка шатало, мы держались за руки и посмеивались. Она смотрела только на меня, а я смотрела на неё. И я была готова уехать с ней в этот вечер, хотя никогда так не делала. Почти наступила ночь, все начинали собираться домой, разговоры становились мягче и тише. Женщине пришло сообщение. Она встрепенулась и сказала немного виновато: «Муж приехал». Я рассмеялась, как обычно не смеюсь, — низким грудным голосом. Она ушла и больше к другу не приходила.

Такое общение периодически случалось со мной, друг был значимой персоной, персоной грата и имел больше знакомых, чем среднестатистический россиянин. И эти знакомые были красивые, интересные. Мне нравилось улыбаться им, очаровывать, нравилось весело шутить и находиться рядом. Друг относился к моим выходкам спокойно, а точнее обычно их даже не замечал. Он иначе видел

вещи, и флирт ему был несвойственен. Или я не могла себе представить его флиртующим. Я ощущала его своим старшим братом, безопасной гаванью, родственной душой. Он был чемпионом заботы и бережности, и я оберегала отношения с ним, как самки животных — новорождённое потомство. Я чувствовала что-то материнское к этим отношениям.

4

Однажды я искала базу с контактами для нового большого проекта. Папка не открывалась, требовался пароль. Пароль висел на стикере под экраном компьютера Ангелины. Она сама мне об этом сказала, улыбнулась и не сдвинулась с места. Надо было подойти к ней очень близко. Я напряглась так, что у меня заболел живот. Ангелина пахла духами с ароматом корицы и спирта. Я подошла, наклонилась совсем рядом и быстро переписала все цифры и буквы пароля. Он не подходил. Я снова наклонилась над Ангелиной, увидела, что вместо ноля нарисована большая буква «О». Корица со спиртом успели проникнуть слишком глубоко, моё тело им не обрадовалось, и я чихнула Ангелине на шею. Так стало понятно, что духи у Ангелины палёные. Я замерла, Ангелина тоже. Потом я сказала:

— У меня есть влажные салфетки.

Ангелина посмотрела на меня всё ещё в ступоре и ушла в туалет. Видимо, на неё никто никогда не чихал. Вернулась она через полчаса.

В папке вместо базы контактов клиентов я обнаружила базу контактов всех сотрудников, бывших и нынешних, то есть вообще всех-всех. ФИО, должность, дата рождения, паспортные данные, стаж работы, вид трудоустройства (трудовой договор, ГПХ с физ. лицом или ГПХ с самозанятым). Конечно, я стала изучать тех, кто работал на моей должности до меня. Девушки — а это всегда были юные девушки — менялись с периодичностью раз в два-три месяца или уходили в течение двух недель. Их было легко понять. Их было легко ломать.

Я записала почту своей предшественницы — на будущее, мало ли что. Где-то месяц я собиралась связаться с ней и постоянно откладывала: было не до того. Появился большой проект, и все считали, что наш отдел маркетинга должен на нём постараться. Я ничего не понимала, но у Ангелины выдался спокойный период, и она объясняла мне всё на пальцах и даже почти не кричала, если я задавала уточняющие вопросы.

Мы успешно сдали проект, заказчик остался доволен. Я получила похвалу от Ани:

— А ты молодец! Видно, что соображаешь.

И комментарий от Ангелины:

— Было не так уж и плохо.

Я возвращалась домой довольная, купила по дороге торт и собиралась съесть его одна. И съела. В десять вечера мне написала Ангелина: Сделай презентацию по проекту, и отправь сначала мне потом заказчику срочно!!!!